Наследие Тьмы

Книга №1

Александр Фрост

Наследие тьмы. Пробуждение

«Автор»
2026

Фрост А.

Наследие тьмы. Пробуждение / А. Фрост — «Автор», 2026

Тысячу лет он был архимагом тьмы — тем, чьё имя произносили шёпотом и с оглядкой, тем, кто повидал больше смертей и предательств, чем способен вместить человеческий разум. А теперь он открывает глаза в теле семнадцатилетнего юноши, истекающего кровью от трёх ножевых ранений — подарка от собственных родителей, решивших, что чужое завещание важнее чужого сына.Александр Дренмор не хотел ни власти, ни мести, ни новой войны. Он хотел лишь одного — покоя. Спокойно жить, неспешно оттачивать позабытое всеми искусство магии тьмы, наслаждаться простыми радостями новой жизни. Но угасающий род, три ножа в спину и наёмники за дверью — лишь первая капля в море проблем.Потому что в этом мире, где магия делится на лекарей, некромантов, химерологов и десятки других школ, тьма считается забытой ересью. А Система — ордена, корона, церковь — не терпит независимых игроков. Особенно тех, кто слишком силён, чтобы его контролировать, и слишком спокоен, чтобы бояться.

© Фрост А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение в крови 6
Глава 2. Дом, полный врагов 9
Глава 3. Дед 12
Глава 4. Библиотека 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Фрост
Наследие тьмы. Пробуждение

Глава 1. Пробуждение в крови

Боль пришла раньше сознания.

Она была везде — рваная, горячая, будто кто-то залил вены расплавленным свинцом. А потом, спустя долю мгновения, пришла память. Не память семнадцатилетнего мальчишки по имени Александр Дренмор, а другая — древняя, тяжёлая, как каменная плита, которой придавили разум. Тысячи лет. Десятки жизней, десятки смертей, войны, ученики, предательства, книги заклинаний, вписанные кровью в кожу мира. Всё это хлынуло разом, и на мгновение сознание — то немногое, что от него осталось, — едва не захлебнулось в этом потоке.

Спокойно.

Голос внутри был его собственным, только куда старше и куда холоднее, чем позволяло семнадцатилетнее тело. Архимаг тьмы — тот, кем он был прежде, — умел держать себя в руках даже когда мир рушился вокруг. А сейчас, судя по ощущениям, рушилось что-то весьма конкретное. А именно — его новое тело.

Он открыл глаза.

Первое, что он увидел — потолок. Резной, дорогой, с позолоченной лепниной в виде переплетающихся ветвей. Комната богатая, судя по всему — спальня, судя по тяжёлым шторам и запаху воска от догорающих свечей. Второе, что он почувствовал — кровь. Она была везде: под спиной, на груди, стекала по вискам. Тело лежало на смятых простынях, и каждая попытка вдохнуть отзывалась в груди хриплым, влажным звуком.

Лёгкое пробито. Возможно, не одно.

Он попытался пошевелить пальцами. Получилось — едва-едва. Хорошо. Значит, позвоночник цел. Плохо — тело умирало, и умирало быстро. Если бы не память тысячелетнего мага, знающего толк в жизни и смерти на самом фундаментальном уровне, семнадцатилетний Александр Дренмор был бы сейчас уже трупом. А возможно — трупом он всё равно был минуту назад, просто в эту секунду в опустевшую оболочку хлынуло нечто иное.

Переродился. Значит, снова. Сколько раз уже?

Считать не было ни сил, ни времени. Где-то за дверью раздавались голоса — тихие, приглушённые, но достаточно близкие, чтобы разобрать интонацию. Не панику. Не скорбь. Что-то куда более деловое.

— …проверить, что дело сделано, — голос мужской, хриплый, незнакомый. — Хозяин требует подтверждения, прежде чем расплатится.

— Дело сделано, — второй голос, ровный, почти скучающий. — Три ножа в грудь. Мальчишка не жилец, даже если бы у него дома сидел придворный лекарь Короны.

Александр — теперь стоило привыкать к этому имени, оно принадлежало телу, а значит, и ему — замер. Не от страха. Страх был чувством, которое старая часть его сознания давно перестала испытывать в чистом виде. Замер от расчёта. За дверью — минимум двое. Судя по спокойствию тона — профессионалы, не случайные грабители. Наёмники. И они ждут подтверждения смерти, прежде чем уйти.

Значит, у меня есть немного времени. Пока они не вошли проверить лично.

Он медленно, превозмогая боль такой силы, что сознание молодого тела наверняка потухло бы от одного этого ощущения, опустил взгляд на собственную грудь. Три раны, как и было сказано. Кровь толчками выходила из тела в такт слабеющему сердцебиению. По самым скромным подсчётам — минуты три-четыре до окончательной смерти, если не меньше.

Тысяча лет практики в некромантии, в манипуляциях с жизненной силой, в самых тёмных и самых запретных искусствах — и всё это заперто внутри тела, которое едва могло сжать кулак.

Ну что ж. Начнём с малого.

Он не мог творить сложные ритуалы — не в таком состоянии, не с телом на грани смерти. Но кое-что базовое, инстинктивное, вплетённое в саму суть магии тьмы, было доступно даже сейчас. Замедление. Тьма всегда умела работать со временем жизни — забирать его, красть, растягивать. Забрать чужую жизнь он пока не мог дотянуться — не было сил на канал. Но чуть придержать собственную угасающую нить — это было ему по силам, даже на пределе.

Холод пополз по венам — не смертельный, а тот особый, тёмный холод, что Александр помнил из прошлой жизни лучше, чем биение собственного сердца. Кровотечение не остановилось, но замедлилось. Сердце застучало реже, но увереннее — экономнее тратя те последние ресурсы, что ещё оставались.

За дверью скрипнули половицы. Кто-то подходил ближе.

Времени нет. Решай.

Он мог притвориться мёртвым окончательно — закрыть глаза, перестать дышать видимым образом, обмануть беглый осмотр. Но если это профессионалы, которым платят за подтверждённую смерть, беглым осмотром они не ограничатся. Проверят пульс. Может, перережут горло контрольным ударом — так делают опытные люди, не доверяющие первому впечатлению.

Значит, нужно, чтобы они поверили сразу и не проверяли слишком тщательно.

Дверь начала открываться — медленно, с лёгким скрипом несмазанных петель. Александр закрыл глаза за долю секунды до того, как в комнату проник тусклый свет коридорной лампы. Дыхание он не остановил полностью — не смог бы, тело всё ещё цеплялось за жизнь инстинктивно, — но сделал его настолько поверхностным, насколько сумел, растворяя редкие вдохи в общей неподвижности разодранной плоти.

Шаги. Один человек, судя по звуку — тяжёлые сапоги, уверенная поступь. Второй остался у двери, судя по голосу чуть дальше.

— Ну как он там?

— Как и должен быть, — ответил первый, наклоняясь. Александр почувствовал, как чужая рука грубо взяла его за подбородок, повернула голову. Проверяли, разумеется, глаза — приоткрытые, неподвижные, не реагирующие на свет. К счастью, веки Александр закрыл достаточно плотно, чтобы не пришлось изображать это вживую. — Готов. Пульса на шее и то не почувствуешь, — палец наёмника коснулся шеи, задержался на пару секунд.

Тысячелетний опыт манипуляции жизненной силой пригодился ещё раз — Александр направил всё оставшееся тепло и слабое биение сердца вглубь, подальше от поверхности кожи, оставляя внешние ткани холодными и безжизненными. Приём грубый, на грани возможностей истощённого тела, но сработавший.

— Мёртв, — констатировал наёмник, выпрямляясь. — Передай хозяевам — работа сделана чисто. Пусть готовят вторую половину оплаты.

— А стоило прирезать наверняка, — заметил второй, всё ещё стоявший у двери. — Мало ли.

— И оставить лишние следы для дознавателей Короны? Три раны от разного оружия и без того странно выглядят для «несчастного случая», который нам велено изобразить в отчёте семье. Хватит с него. Уходим, пока слуги не проснулись.

Шаги начали удаляться. Дверь закрылась так же тихо, как открылась. Голоса в коридоре стихли, растворяясь где-то в глубине дома.

Александр открыл глаза только тогда, когда абсолютная тишина продержалась не меньше минуты. Тело болело так, что старая, привыкшая к боли часть его сознания невольно испытала что-то похожее на уважение к семнадцатилетнему мальчишке, который сумел продержаться против трёх ножевых ранений достаточно долго, чтобы душа архимага успела занять освобождающееся место.

Слуги. Она сказала — «пока слуги не проснулись». Значит, дом не пуст. И где-то там, возможно, ещё жив дед.

Мысль пришла холодная, расчётливая, но не лишённая смысла — если дед жив, если завещание, о котором Александр не помнил ничего, кроме смутного эха чужих детских воспоминаний, ещё не вступило в силу окончательно, значит, есть шанс. Не только выжить в эту ночь, но и выжить вообще.

Он попытался сесть — и чуть не потерял сознание от боли, прокатившейся по каждому нерву разодранного тела. Кровь снова толкнулась быстрее, стоило прекратить поддерживать замедляющее плетение. Работать с чужим — своим — телом вслепую, без должной концентрации, было всё равно что пытаться играть на разбитом инструменте: ноты те же, но звук — искажённый, ненадёжный.

Тише. У тебя было тысячу лет, чтобы научиться терпению. Не растеряй его за первые пять минут новой жизни.

Он снова опустился на пропитанные кровью простыни, заставляя тело замереть, а разум — работать. Магия исцеления была не его сферой — за тысячу лет тьма не научилась залечивать раны так, как это умели лекари, но она прекрасно умела красть жизнь у других и перетекать между сосудами, точно вода, ищущая нижнюю точку. Проблема была не в умении. Проблема была в силе, которой критически не хватало истощённому телу подростка.

Значит, нужен источник. Что-то, откуда я могу взять хотя бы каплю силы, не убивая себя окончательно.

Он прислушался к собственному телу — не так, как слушал бы обычный человек, а так, как слушают маги тьмы: ощущая тонкие нити жизненной силы, всё ещё теплящиеся в углах комнаты. Мышь, забившаяся в щель под полом. Пара мотыльков у свечи. Ничтожно мало, но лучше, чем ничего.

Первое настоящее заклинание новой жизни оказалось до смешного скромным — тонкая нить, вытянутая из крошечного тельца мыши, пробежавшая по воздуху и впитавшаяся в открытую рану на груди. Мышь под полом стихла навсегда. Александр почувствовал, как рана — одна из трёх — начала затягиваться на пару миллиметров быстрее, чем позволяла бы естественная регенерация.

Смехотворно мало. Но с чего-то нужно начинать.

За окном небо начинало сереть — приближался рассвет. Где-то в этом доме спали или делали вид, что спят, его убийцы — родные отец и мать, купившие тишину сына тремя ножами и горстью золота для наёмников. Где-то в этом доме, возможно, ещё лежал в своих покоях дед, чьё завещание стоило Александру жизни в этом теле.

А в самом Александре — истощённом, израненном, едва живом — просыпался архимаг, повидавший достаточно смертей, чтобы знать одно простое правило.

Тот, кто выжил после первого удара — уже победил половину войны. Осталось решить, что делать со второй половиной.

Он закрыл глаза — на этот раз не притворяясь мёртвым, а просто позволяя истощённому телу забыться коротким, необходимым сном. Утром будет много дел. А тьма, как известно, умеет ждать.

Глава 2. Дом, полный врагов

Рассвет пробился сквозь плотные шторы узкой полосой света, и Александр проснулся не от солнца, а от того особого, обострённого чувства опасности, которое тысяча лет не смогли вытравить даже из самого изможднного тела. Кто-то шёл по коридору. Не крадучись, как ночные гости, а обычным шагом — уверенным, будничным.

Слуга. Судя по ритму шагов — не первый год в этом доме.

Боль немного отступила за те несколько часов, что он позволил телу забыться сном — вернее, тем подобием сна, в которое погружается изможднный до предела организм. Раны затянулись — благодаря украденной у мыши и пары мотыльков жизненной силе — не до конца, но достаточно, чтобы не истечь кровью в ближайший час. Этого было катастрофически мало для полноценного восстановления, но достаточно, чтобы не умереть прямо сейчас. А сейчас нужно было решать более насущный вопрос: что делать, когда дверь откроется снова.

Шаги приблизились к двери спальни. Раздался осторожный стук.

— Молодой господин? — женский голос, пожилой, встревоженный. — Александр, вы просыпались? Я принесла воды…

Служанка. Судя по обращению — давно в доме, возможно, знала мальчика с детства.

Решение нужно было принимать быстро. Если он промолчит — она, скорее всего, войдёт проверить, увидит кровь и поднимет тревогу, что, вероятно, и планировалось убийцами: пусть тело найдут слуги, а не сами родители, — так меньше подозрений. Если откликнется — раскроет себя раньше времени, ещё не зная, кому в этом доме можно доверять.

Мне нужна информация прежде, чем я решу, как действовать. Значит — молчание, пока сам не пойму расклад сил.

Дверь скрипнула, приоткрываясь. Александр закрыл глаза, снова изображая неподвижность — на этот раз куда менее убедительно, чем ночью, но женщина, судя по звуку шагов, была уже немолода, а свет в комнате — тусклым.

— Александр…

Голос сорвался. Через мгновение раздался звон — поднос с кувшином выскользнул из рук и разбился об пол, а следом — крик, полный неподдельного ужаса, разнёсшийся, казалось, по всему крылу дома.

Началось.

Ждать дальше не было смысла. Пока служанка не подняла на ноги весь дом, у Александра было — секунд десять, может, пятнадцать — форы, в течение которых можно было хотя бы попытаться взять ситуацию под контроль, а не позволить ей развиваться по чужому сценарию.

Он открыл глаза.

Женщина — та самая служанка, судя по простому платью и связке ключей на поясе, скорее всего, ключница или старшая горничная — отшатнулась от кровати с новым, ещё более пронзительным звуком, зажимая рот ладонью.

— Тише, — голос вышел хриплым, чужим для этого горла, но твёрдым. — Я жив. Пока что. И хочу таким остаться. Как тебя зовут?

Женщина смотрела на него — на окровавленную постель, на живые, вполне осмысленные глаза там, где полминуты назад видела труп — с выражением, в котором ужас медленно уступал место растерянности.

— М-Марта, молодой господин… Боги милостивые, вы… вы живы… нужно немедленно послать за лекарем, за…

— Нет, — оборвал он резче, чем планировал, и тут же смягчил тон, вспомнив, что перед ним не враг, а, вероятно, единственный человек в доме, чей испуг был настоящим страхом за

него, а не разочарованием от провалившегося плана. — Марта. Послушай меня внимательно. Кто ещё знает о том, что произошло этой ночью?

— Никто, молодой господин, я первая… я услышала шум ночью, но подумала, что вам просто нездоровится, а утром пришла с водой и…

— Мои родители сейчас в доме?

Вопрос заставил Марту замереть. Что-то мелькнуло в её взгляде — не удивление вопросом, а нечто похожее на понимание, которое она то ли боялась, то ли не хотела произносить вслух.

— Да, молодой господин. Они… они здесь.

Она знает. Или подозревает. Достаточно, чтобы бояться произнести это вслух.

— Марта, — Александр заставил себя приподняться на локте, несмотря на волну боли, прокатившуюся по телу. — Мне нужно, чтобы ты сделала три вещи, и сделала их немедленно, не поднимая шума на весь дом. Во-первых — закрой дверь. Во-вторых — принеси чистую воду, бинты и любые снадобья, что найдутся в доме, но так, чтобы никто, кроме тебя, об этом не знал. В-третьих — скажи мне честно: жив ли ещё мой дед?

Последний вопрос повис в воздухе на несколько долгих секунд. Марта закрыла дверь — руки её дрожали, но движения были быстрыми, привычными к послушанию. Затем повернулась к нему, и в глазах старой служанки промелькнуло что-то похожее на решимость.

— Жив, молодой господин. Слаб, почти не встаёт с постели после болезни в прошлом месяце, но жив. Лекари говорят — недолго осталось, но… — она замялась, — но он ещё в своём уме. И он единственный, кто…

Она не договорила, но Александру и не нужно было договаривать. Единственный, кто может защитить внука от собственных родителей. Единственный, чья власть в доме теоретически ещё превышала власть сына, разочаровавшего его настолько, что тот переписал завещание через голову собственного ребёнка.

— Марта, — произнёс он медленно, взвешивая каждое слово, — этой ночью меня пытались убить. Три ножевых ранения, наёмники, нанятые кем-то в этом доме. Я выжил — не спрашивай как, это не имеет значения сейчас. Но если те, кто это сделал, узнают, что я жив, следующая попытка будет куда более аккуратной. Мне нужно время. Мне нужно, чтобы весь дом — кроме тебя и, возможно, деда — продолжал считать меня мёртвым, пока я не пойму, что делать дальше.

Марта смотрела на него долгую минуту — и по тому, как изменилось её лицо, Александр понял: она уже всё поняла. Не про архимага тьмы, не про тысячу лет чужой памяти — но про то, кто именно стоит за ночными убийцами, она догадалась мгновенно, без единой подсказки.

— Это они, да? — прошептала она, и в голосе её прозвучала не столько удивление, сколько горькое подтверждение давних подозрений. — Ваши… ваши родители.

Он не стал ни подтверждать, ни отрицать вслух — не было смысла врать человеку, который явно давно наблюдал за этой семьёй достаточно, чтобы сложить два и два самостоятельно.

— Марта, мне нужна твоя помощь. Взамен я обещаю: те, кто сделал это со мной, ответят. Но не сегодня, и не так, как ты, возможно, себе представляешь. Мне нужно время и тишина. Ты можешь дать мне это?

Служанка медленно кивнула, и что-то в её взгляде — то ли многолетняя преданность дому, то ли искренняя привязанность к мальчику, которого она, вероятно, знала с младенчества, — превратилось в решимость.

— Я скажу, что вы плохи, но живы, — произнесла она тихо. — Что рана серьёзная, что вас нельзя тревожить, что я сама буду за вами ухаживать, пока не приедет лекарь из города — а лекаря я, разумеется, вызывать не стану, просто скажу, что жду его со дня на день. Этого хватит на несколько дней. Больше — не обещаю, молодой господин. В доме много глаз, а не все из них — мои.

Разумная женщина. Понимает расклад лучше, чем я мог надеяться.

— Этого более чем достаточно, — ответил он. — И, Марта — принеси воды и то, чем можно очистить эти простыни, прежде чем кто-то ещё увидит эту комнату.

Она ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь, и в доме на несколько минут воцарилась обманчивая тишина. Александр остался один — наедине с болью, с истощённым телом и с той частью сознания, что тысячу лет назад научилась превращать хаос в план действий.

Итак. Что я имею.

Он позволил себе на мгновение отстраниться от боли и оценить ситуацию так, как оценивал бы её тысячу лет назад — холодно, без лишних эмоций, разложив по полочкам факты.

Первое: я жив, но истощён почти до предела. Магии тьмы мне хватит разве что на пару мышей в ближайшие дни, пока тело не восстановится хотя бы частично.

Второе: враги — родные отец и мать, нанявшие профессиональных убийц. Это значит — деньги на такое дело у них были, и, вероятно, есть связи в определённых кругах. Обычные аристократы редко имеют выход на наёмных магов такого уровня без посредников.

Третье: дед жив, но слаб, и, судя по словам Марты, именно его завещание — причина всей этой резни. Значит, дед — потенциальный союзник, но крайне ненадёжный: он может умереть в любой день, а вместе с ним умрёт и единственная преграда между мной и родителями.

Четвёртое: у меня есть от силы несколько дней тишины, прежде чем кто-то — родители, слуги, соседи — заметит неладное.

Плана — настоящего, продуманного плана — пока не было. Была лишь ясность в том, что делать в первую очередь: выжить, восстановить силы, и — что было для Александра совершенно новым чувством, если сравнивать с прежней жизнью полновластного архимага — не спешить. Тысячу лет назад он решал подобные проблемы силой, страхом, а порой и абсолютным уничтожением всех, кто вставал на пути. Сейчас у него не было ни силы, ни армии, ни даже элементарной возможности встать с кровати без чужой помощи.

Забавно. Самый могущественный маг тьмы за последнее тысячелетие — и меня едва не прикончил наёмник среднего пошиба с тремя ножами. Придётся многому учиться заново.

Дверь снова тихо скрипнула — вернулась Марта, неся в руках таз с водой, чистые тряпки и небольшой сверток, судя по запаху — с какими-то травами.

— Молодой господин, — прошептала она, закрывая за собой дверь, — я подумала над вашими словами. Если вы позволите… ваш дед. Он спрашивал о вас этим утром — раньше, чем я успела прийти к вам. Кто-то, видимо, уже сказал ему, что ночью в доме был шум.

Александр застыл, ловя себя на мысли, что дед, возможно, был единственным человеком в этом доме, помимо самого убийцы, кто уже знал куда больше, чем показывал остальным.

— Отведи меня к нему, — произнёс он тихо. — Как только я смогу встать без риска умереть по дороге.

Марта кивнула, принимаясь за перевязку с уверенностью человека, который явно не впервые в жизни залечивал раны в этом доме — то ли своей семье, то ли, судя по горестному вздоху, самому Александру в его детские годы, полные, судя по всему, куда более безобидных травм.

А за окном разгорался новый день — первый в его новой жизни, начавшийся кровью и закончиться которому, судя по всему, было суждено куда более сложной игрой, чем простое выживание до заката.

Глава 3. Дед

Встать на ноги оказалось задачей, достойной отдельного эпоса.

Александр честно попытался сделать это самостоятельно — из принципа, а не из необходимости, — и тут же был вознаграждён вспышкой боли настолько яркой, что на мгновение всерьёз пожалел, будто перерождение подкинуло ему заодно и способность падать в обморок от одного лишь вида собственного истерзанного тела.

Тысяча лет практики в искусствах, недоступных смертному разуму, а ноги дрожат, как у новорождённого оленёнка. Есть какая-то вселенская ирония в том, что величайший маг тьмы своей эпохи не может дойти до сортира без посторонней помощи.

— Молодой господин, обопритесь на меня, — Марта, не дожидаясь новых геройских попыток, решительно подставила плечо, и Александр, взвесив варианты между гордостью и не-переломать-заново-рёбра, выбрал последнее.

— Марта, — произнёс он, пока они медленно, шаг за шагом, продвигались к двери, — я собираюсь сказать вещь, которая может показаться странной.

— После этой ночи, молодой господин, меня трудно удивить чем-либо ещё.

— Ты держишься куда более собранно, чем половина генералов, с которыми мне доводилось воевать. Вырезка была бы уместнее, но комплимент, увы, придётся принять в устной форме.

Марта на мгновение сбилась с шага, покосившись на него с выражением, которое можно было описать как «мальчик определённо ударился головой сильнее, чем казалось на первый взгляд».

— Вы… не в себе, молодой господин?

— Марта, поверь, я как раз впервые за очень долгое время абсолютно в себе. Просто у меня несколько своеобразное чувство юмора. Издержки долгой профессии.

И под «долгой» я имею в виду тысячу лет, а под «профессией» — ремесло, за которое меня прокляли три отдельных цивилизации, но не будем вдаваться в детали с милой женщиной, которая только что рисковала жизнью, скрывая моё воскрешение.

Путь до покоев деда занял почти четверть часа — расстояние, которое здоровый человек преодолел бы за минуту, а Александр прошёл с частыми остановками, тяжело опираясь на Марту и на украшенную резьбой трость, позаимствованную, по всей видимости, из отцовского кабинета. Дом оказался куда просторнее, чем можно было судить по одной лишь спальне — высокие потолки, портреты предков, чьи взгляды, как показалось Александру, были исполнены немого укора за то, что их род довели до подобного позорища.

Хотя, признаться, глядя на некоторые из этих физиономий, я не удивлён, что кто-то в итоге решил кого-то прирезать. С такими родственниками я бы тоже задумался о превентивных мерах.

Наконец Марта остановилась перед высокой резной дверью и тихо постучала — три коротких удара, судя по всему, условный знак.

— Кто там? — голос из-за двери прозвучал слабым, надтреснутым, но в нём слышалась ещё крепкая, несгибаемая властность — та самая интонация, что вырабатывается десятилетиями отдачи приказов и не исчезает даже на смертном одре.

— Это я, ваша светлость. И… — Марта на секунду замешкалась, — и молодой господин Александр.

За дверью повисла тишина — долгая, тяжёлая, полная невысказанных вопросов.

— Заходите, — произнёс наконец голос, и что-то в этом единственном слове прозвучало почти испуганно.

Марта толкнула дверь, и Александр, всё ещё опираясь на трость, вошёл в комнату, до отказа пропахшую травяными снадобьями и старостью. На широкой кровати, обложенный подушками, полулежал старик — худой, с ввалившимися щеками, но с глазами, в которых, несмотря на явную физическую немощь, читался острый, живой ум.

Дед смотрел на внука так, будто увидел призрака — что, учитывая обстоятельства, было почти буквально правдой.

— Ты… — старик приподнялся на локтях с усилием, которое выглядело болезненным даже со стороны. — Мне сказали ночью был шум. Слуги шептались о крови в твоей комнате. Я думал…

— Что я мёртв? — закончил Александр, позволяя себе лёгкую, невеселую усмешку. — Признаю, было довольно близко к истине. Три ножа обычно не оставляют много шансов на дискуссию.

— Кто? — единственное слово прозвучало резко, почти как удар хлыста, и на мгновение в голосе старика проступила та сталь, что, вероятно, когда-то помогла ему выстроить и удержать целый род.

Ах, вот в чём вопрос. Не «жив ли ты», не «как ты себя чувствуешь», а сразу — «кто». Практичный старик. Мне нравится.

Александр медленно опустился в кресло у кровати — Марта помогла ему, после чего, по молчаливому знаку деда, вышла из комнаты, оставив их наедине.

— Дед, — начал он, тщательно взвешивая, сколько правды стоит выдавать сразу, — прежде чем ответить на этот вопрос, я должен спросить кое-что сам. Насколько сильно вы разочаровались в моём отце, что решили переписать всё наследство рода на меня, минуя его?

Старик замер. Взгляд его — острый, изучающий — прошёлся по лицу внука так, будто видел его впервые, хотя формально знал семнадцать лет.

— Ты знаешь про завещание.

— Я знаю про завещание, — подтвердил Александр. — И, кажется, начинаю догадываться, кто и почему прислал этой ночью ко мне троих джентльменов с ножами и весьма скверными манерами.

Тишина, повисшая в комнате после этих слов, была почти осязаемой. Старик закрыл глаза — не от слабости, а, судя по всему, от чего-то куда более тяжёлого, чем физическая немощь. Когда он снова открыл их, в этом взгляде было столько застарелой боли, что даже видавшая многое часть сознания Александра ощутила нечто похожее на сочувствие.

— Мой сын, — произнёс дед медленно, будто каждое слово стоило ему отдельных усилий, — всегда был… слабым магом. Не бесталанным — но и не одарённым сверх меры. Обычным. А для главы рода, чья сила веками измерялась не только землями, но и магическим наследием — обычность равносильна медленной смерти рода. Я надеялся, что он вырастет иначе. Что примет свою ограниченность с достоинством и сумеет окружить себя достойными советниками. Вместо этого он выбрал зависть. Годами. К собственному отцу, к собственному сыну — как только твой дар начал проявляться в раннем детстве куда сильнее, чем когда-либо проявлялся его.

— И вы решили, что лучшим решением будет объявить об этом публично, через завещание, вместо того, чтобы, скажем, тихо договориться о разделении полномочий, — заметил Александр, не удержавшись от лёгкой едкости в голосе. — При всём уважении, дед, стратегическое мышление — явно не самая сильная сторона нашей семьи.

Старик издал звук, отдалённо напоминающий смешок, хотя тут же поморщился от боли в груди.

— Дерзкий. Раньше ты таким не был.

О, поверь, старик, если бы ты знал, насколько «раньше» — это буквально другая эпоха для меня.

— Скажем так, — произнёс Александр вслух, — минувшая ночь весьма способствовала переоценке приоритетов. Когда тебя убивают собственные родители, вежливость как-то сама собой отходит на второй план.

Дед помолчал, пристально глядя на внука — и в этом взгляде было куда больше подозрения, чем скорби.

— Ты изменился, — произнёс он наконец медленно. — Не только в манере речи. В глазах. Мальчик, которого я знал, никогда бы не говорил со мной так спокойно, обсуждая собственное убийство, будто речь идёт о неудачной партии в шахматы.

А вот это уже интересно. Проницательный старик. Придётся быть осторожнее.

— Скажем так, — произнёс Александр, тщательно подбирая слова, — прошлой ночью я едва не умер. Такие вещи меняют человека сильнее, чем годы обычной жизни. Считайте это… ускоренным взрослением.

Ответ был откровенно уклончивым, и по тому, как сузились глаза деда, было понятно — старик это прекрасно почувствовал. Но, к некоторому удивлению Александра, дед не стал давить дальше. Вместо этого он откинулся на подушки, тяжело выдохнув, и произнёс совершенно другим тоном — усталым, почти умоляющим:

— Мне недолго осталось, Александр. Лекари не говорят прямо, но я вижу это по их лицам каждое утро. И если мой сын и его жена решились на убийство собственного ребёнка ради наследства — они не остановятся, узнав, что первая попытка провалилась. Тебе нужно бежать из этого дома. Сегодня же, пока они не узнали, что ты жив.

А вот тут, дед, ты ошибаешься. Бегство — оружие слабых и неуверенных. А я, к твоему сведению, последние тысячу лет предпочитал решать проблемы куда более… окончательными методами.

— При всём уважении, — произнёс Александр вслух, чуть склонив голову, — бегство означает потерю дома, титула и всего, что вы, судя по всему, планировали мне оставить. К тому же — куда бежать семнадцатилетнему юноше без денег, связей и, что немаловажно, без магической подготовки, соответствующей его врождённому таланту?

— Тогда что ты предлагаешь? — в голосе старика прозвучало нечто среднее между раздражением и невольным любопытством. — Остаться и ждать вторую попытку?

Александр позволил себе едва заметную улыбку — ту самую, тысячелетнюю, холодную улыбку, которую, доведись увидеть её в прошлой жизни, узнал бы любой из его старых врагов и содрогнулся бы от одного воспоминания.

— Дед, — произнёс он мягко, — я предлагаю вам довериться мне в одном простом вопросе. Пусть весь дом продолжает считать меня умирающим, пока я не восстановлю силы. А тем временем — я бы хотел получить доступ к тому, что действительно принадлежит мне по праву вашего завещания. Библиотеке рода. Архивам. Всему, что вы годами собирали и прятали от сына, который, по вашим же словам, не заслуживал этого дара.

Старик долго молчал, изучая внука взглядом, полным смеси надежды, подозрения и той особой, тяжёлой усталости, что приходит к людям, доживающим последние дни своей жизни в окружении предателей.

— Ты пугаешь меня, мальчик, — произнёс он наконец тихо. — Не тем, что говоришь. А тем, как ты это говоришь.

Поверь, старик, если бы я хотел напугать тебя по-настоящему, ты бы уже знал разницу.

— Считайте это фамильной чертой, — произнёс Александр вслух, с лёгкой, почти дружелюбной усмешкой. — В конце концов, чей-то характер должен же был передаться мне не только по отцовской линии.

Дед медленно кивнул — не столько в знак согласия, сколько в знак того, что решение, каким бы оно ни было, уже принято где-то в глубине его усталого, но всё ещё острого ума.

— Хорошо, — произнёс он. — Библиотека и архивы — твои. Как и должно было быть с самого начала. Но, Александр… — старик помедлил, взгляд его посуровел, — если ты замышляешь то, что мне кажется, ты замышляешь — будь осторожен. Мой сын слаб как маг, но он не глуп, и у него, судя по всему, есть влиятельные друзья, раз он сумел нанять убийц такого уровня. Недооценка врага убивает быстрее любого клинка.

Дед, поверь — недооценивать врагов я перестал примерно тогда же, когда началась мода на использование костей побеждённых полководцев в качестве фамильной мебели. Давняя, знаешь ли, привычка.

— Ценю совет, — произнёс он вслух, поднимаясь с кресла с куда большей уверенностью, чем позволяло истощённое тело — просто чтобы дед видел: перед ним не сломленный жертва, а нечто куда более готовое к борьбе. — Обещаю быть осторожным. На свой лад.

Уходя из покоев деда, опираясь на подставленное плечо вернувшейся Марты, Александр поймал себя на мысли, что впервые за долгое — по меркам новой жизни — время испытывает нечто похожее на азарт. Не жажду власти, не голод разрушения, что двигали им тысячу лет назад, а нечто более скромное и от того более приятное — интерес. Интерес к тому, как далеко готовы зайти его новые «любящие» родители. И к тому, насколько сильно они пожалеют, когда поймут, что убитый ими мальчишка вернулся куда более терпеливым, куда более опасным — и, чего уж скрывать, куда более саркастичным, чем они могли себе представить.

Что ж, дорогие родители. Вы потратили деньги на трёх наёмников и три ножа. Искренне надеюсь, вы приберегли что-то и на похороны — свои собственные.

Глава 4. Библиотека

Следующие три дня Александр провёл, официально, на пороге смерти.

Марта играла свою роль превосходно — расхаживала по дому с лицом человека, чей подопечный вот-вот испустит дух, отваживала любопытных слуг от двери спальни туманными разговорами о заразной горячке, и дважды за эти дни громко, с явным расчётом на чужие уши, посетовала на нерасторопность городского лекаря. Неофициально же Александр, стоило дому погрузиться в ночную тишину, тайком пробирался — точнее, ковылял, опираясь на трость и через силу игнорируя протесты измождённого тела — в противоположное крыло особняка, туда, где располагалась родовая библиотека.

Три дня притворного умирания. Пожалуй, это самая долгая и самая скучная роль за всю мою карьеру — а поверьте, мне доводилось изображать из себя и покойника, и бога, и один особенно неудачный отыгрыш деревенского дурачка, о котором я предпочту не вспоминать в деталях.

Библиотека оказалась именно тем, на что Александр втайне надеялся — обширным, тщательно оберегаемым от посторонних глаз хранилищем, куда, судя по слою пыли на дальних полках, отец за годы своего существования заглядывал крайне редко, если вообще заглядывал. Дед, как выяснилось, лично распорядился выдать внуку ключ ещё в первую же ночь их разговора — вместе с коротким, но выразительным напутствием: «Здесь достаточно знаний, чтобы утопить неподготовленный разум. Не торопись».

Милый совет от человека, не подозревающего, что разговаривает с существом, чей "неподготовленный разум" успел утопить в знаниях не одно поколение архимагов.

Тем не менее, войдя в библиотеку впервые, Александр вынужден был признать: совет деда оказался не так уж далёк от истины. Ряды стеллажей уходили вглубь просторного зала — далеко не самая внушительная библиотека по меркам его прошлой жизни, но для угасающего провинциального рода собрание было впечатляющим: фолианты в потрёпанных кожаных переплётах, свитки, перевязанные выцветшими лентами, и — что привлекло его внимание в первую очередь — отдельная секция, отгороженная от остального зала, помеченная гербом рода и, судя по всему, запертая на дополнительный, куда более сложный замок.

Ага. Вот, значит, где хранится всё действительно интересное.

Ключ, полученный от деда, подошёл не сразу — механизм оказался с секретом, требующим определённой последовательности поворотов, которую Александр разгадал скорее интуицией мага, привыкшего иметь дело с зачарованными запорами, чем терпением обычного взломщика. Дверца поддалась с тихим щелчком, и за ней обнаружилась комната поменьше — тесная, без окон, пропахшая старой кожей и чем-то едва уловимо магическим.

На единственном столе в центре комнаты лежала стопка книг, явно отобранных заранее — судя по слою пыли, отличному от пыли на остальных полках, кто-то — вероятно, сам дед в более здоровые годы — специально держал их отдельно от общего собрания.

Не иначе как личная коллекция скелетов в шкафу нашего доброго деда. Посмотрим, что за фамильные тайны прятал старик от собственного сына.

Первая книга, которую он взял в руки, оказалась генеалогическим древом рода Дренмор — старым, потрёпанным, с добавлениями, сделанными разными почерками на протяжении, судя по всему, добрых трёх столетий. Александр пролистал страницы бегло, выхватывая знакомые по обрывочным детским воспоминаниям имена, пока не наткнулся на пометку, сделанную явно рукой деда — свежими чернилами, в самом низу последней страницы.

«Магический дар рода слабеет с каждым поколением. Причина неизвестна. Возможно, связана с утратой родового Наследия три поколения назад».

Утрата родового наследия. Звучит как эвфемизм для куда более интересной истории, чем сухая генеалогическая справка.

Вторая книга оказалась куда занимательнее — потрёпанный дневник, судя по стилю письма и качеству бумаги, написанный не меньше века назад. Александр углубился в чтение, и по мере того, как страница сменяла страницу, картина начала складываться в нечто куда более цельное, чем простое родовое проклятие слабеющей крови.

Автором дневника оказался, судя по всему, один из предков — прапрадед нынешнего деда, если Александр верно сопоставил даты с генеалогическим древом. Человек этот, как выяснилось, был не просто аристократом, но и практикующим магом — причём, судя по осторожным, полным недомолвок записям, магом весьма специфической, немодной по тем временам школы.

«Дар предков, — гласила одна из записей, — был даром Тьмы. Забытым, проклятым церковью и Орденами искусством, восходящим ещё к временам до основания Короны. Мой дед хранил это в тайне, как и его дед до него. Но сила слабеет. С каждым поколением я чувствую в себе всё меньше того, что некогда позволяло нашему роду держать в страхе целые провинции».

Александр замер, перечитывая абзац дважды.

Так-так-так. А вот это уже становится интересным. Кажется, я не просто удачно перерождённая душа в теле случайного аристократа. Кажется, я вселился в тело потомка тех, кто когда-то практиковал ровно ту же магию, что и я сам — просто утративших большую часть дара за прошедшие века.

Мысль эта отдавала не то ироничной шуткой судьбы, не то вполне логичным объяснением — возможно, само перерождение произошло не случайно, а было притянуто остаточным родством крови и дара, тонкой нитью, связавшей угасающую магию рода Дренмор с блуждающей душой архимага, ищущей новое пристанище.

Знаешь, старая знакомая Судьба, будь у тебя чувство юмора получше, я был бы почти впечатлён такой иронией. Впрочем, зная тебя, ты просто наугад ткнула пальцем в первое подходящее тело, а изящное объяснение я придумал сам, чтобы потешить собственное самолюбие.

Дальше в дневнике шли обрывочные заметки о ритуалах, наполовину забытых формулах, попытках предков сохранить хотя бы толику родового дара для потомков. Одна из последних записей — сделанная, судя по почерку, уже другим автором, вероятно, отцом деда, — привлекла особое внимание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.